

Государственная тайна

В 1959 году высшее руководство Советского Союза активно помогало президенту Египта Насеру совершать провокации против государства Израиль с целью представить его как агрессора, совершающего авиационные налеты на мирное население Ливана и Сирии. Этим лично занимались Хрущев и Насер. Настоящий рассказ – убедительное подтверждение таких действий.

* * *

1959 год. Черновцы. Небольшой поразительно красивый город с мощными камнем узкими улицами. В нем, а если быть точнее, в гостинице "Киев", расположенной в квартале от центра, я прожил более года. Здесь и произошли события, о которых я почти забыл и вспомнил недавно. История больше чем детективная.

Это случилось в воскресенье, часов в 5 вечера. Гостиничный ресторан был почти пуст. Он подошел от соседнего столика со своей едой и графинчиком со спиртным и, как-то внимательно взглянув на меня, спросил:

— Не возражаете?

Я кивнул. Он сел напротив.

— Знаете, — начал он, — я давно лишен человеческого общения. Составьте компанию, вдвоем будет веселее, давайте по рюмочке...

— Спасибо, но я уже ухожу, — отвечал я.

— Вы как-то к себе располагаете...

— Отчего же, — возразил я, — ведь вы меня совсем не знаете.

В это время в ресторан вошло несколько офицеров, военных летчиков, они шумно располагались, смеялись, что-то заказывали официанту.

— Вот видите, они летчики, они могут называться летчиками, а я тоже летчик, я полковник, но я никто...

Я впервые внимательно глянул на этого человека. Лет 35. Темноволосый. Мужественное лицо. Пожалуй, даже красив, похож на известного киноактера Дружникова.

— Отчего же вы никто? — невольно зацепился я за разговор.

— А вот так, я никто. Когда я летаю, у меня нет никаких документов, я никто.

— Почему же вы летаете без документов?

— А это на случай, если собьют. Но меня никто не собьет, никто. Это такая замечательная машина, на которой я летаю... меня никто не собьет.

"Какой-то авантюрист, — мелькнуло у меня, — нужно избавиться от него поскорей".

А он продолжал:

— Я летаю на французском истребителе-бомбардировщике "Мираж", замечательная машина. Я летаю в Сирии и Ливане, я там делаю свою работу, а моя профессия — стрелять, бомбить...

Нет, он не был пьян, разве может быть пьян здоровый мужчина от одной-двух рюмок? А он продолжал:

— Меня встречал президент Египта Насер. Он сказал мне: "Смотрите, полковник, не наступите на апельсиновую кожуру, если поскользнетесь, вам никто не поможет, никто".

"Да, это авантюрист, — снова мелькнуло у меня, — надо уйти и поскорей".

Мой собеседник уточнил:

— Что мне Насер, я выполняю задание нашего правительства.

Он назвал несколько известных имен. Я запомнил два — Хрущев и маршал авиации Красовский.

Я невольно усомнился. Понимая странность необычного разговора, я решил поскорей избавиться от собеседника. Он это почувствовал и попросил:

— Подождите, не уходите, я не должен все это говорить, но вы мне как-то импонируете, и я сам не знаю, почему рассказываю об этом.

— И я не понимаю, — отвечал я. — Если это правда, то это государственная тайна, это немыслимо...

— Немыслимо? Перед отлетом в Египет я прибыл в Кремль вместе с маршалом авиации Красовским, с нами беседовал Хрущев. Можете верить или не верить. Ваше дело. Ах, все это ерунда. Я два года не был дома. Завтра прилечу в Москву. Там у меня жена... Жена... Какая она жена? Она красавица и шлюха, она шлюха...

Я уже не сомневался, что назвавшийся летчиком человек авантюрист или сумасшедший. Если все, что он говорит, правда, разве стал бы он мне, первому встречному, ее рассказывать?

"Пожалуй, правда лишь то, что он говорит о своей жене, возможно, он очень несчастлив и решил облегчить свою душу, пожаловаться на не сложившуюся жизнь, придумав для затравки историю про полеты, встречи с Насером и Хрущевым".

Мы выпили по рюмке и вышли на улицу. Он уцепился за мой локоть, не отпускал и, испытывая какую-то жалость к этому человеку, я пошел его провожать в сторону Красной площади, есть такая и в Черновцах. Мы шли, а он говорил мне:

— Я не должен был все это рассказывать, не должен.

Я его успокаивал:

— Да я вам и не верю, я думаю, что вы редкий фантазер, и не летчик вы вовсе, вот что я о вас думаю. Разве может быть правдой, что вы летали на "Мираже", и о Хрущеве и Насере? Почему вдруг на "Мираже", дался вам этот французский самолет... насколько я знаю, наши самолеты не хуже...

— Вы не поняли ничего, ничего. На "Миражах" летают израильские летчики. Поняли? И я на "Мираже". летаю в Сирию и Ливан. Мое дело стрелять, бомбить. И у меня самолет, как у них...

Мы дошли до Красной площади и расставались минут пятнадцать. Он говорил, что после разговора со мной ему как-то легче, благодарил, говорил, что ощущает меня своим другом и хотел бы снова встретиться, но это вряд ли возможно. Меня это растрогало. Я отвечал, что живу в гостинице, еще долго в ней пробуду, комната такая-то, пусть приходит. Я пожелал ему удачи, всего самого доброго.

Я медленно шел в гостиницу, испытывая странное противоречивое чувство. "А если все это правда? Нет, нелегко. Он врун и фантазер. Но не похож на сумасшедшего. И его внешность... вроде серьезный человек".

История имела неожиданное продолжение.

В вестибюле гостиницы меня остановил мужчина и представился:

— Я из комитета государственной безопасности, — он протянул удостоверение, — старший лейтенант... — фамилию я не запомнил. — Мне нужно с вами переговорить.

Он был в штатском. Я понял, что действительно вляпался в серьезную историю...

Разговор продолжался в моем номере, маленькой десятиметровой комнате. Посмотрев паспорт, спросил:

— Что делаете в Черновцах? Сколько времени живете в гостинице?

— Работаю прорабом строительного участка от одесского управления, строю холодильник. А в гостинице живу, потому что это удобно, здесь телефон, можно со всеми быстро связаться. Я здесь в длительной командировке.

Его интересовало, о чем я говорил с человеком, сидевшим со мной за одним столиком в ресторане:

— Я знаю, что на улице вы что-то говорили об авиации...

Я тянул время, обдумывая случившееся. "Что это провокация? Почему со мной? А может быть, тот в ресторане и этот — одна компания? А зачем я им нужен? И не правда ли то, что мне говорил в ресторане тот, кто назвался летчиком? Да, нужно исходить из того, что это правда. И не говорить ее старшему лейтенанту. Если это правда... то... не сносить головы

летчику-полковнику. А мне... Если я знаю тайну, меня должны куда-то убраться, может, и насовсем...

Не сказать бы чего лишнего. Он что-то слышал. На улице что-то слышал об авиации, может быть, шел рядом, подслушивал. Значит, про авиацию нельзя умолчать. Нужно сказать что-то правдоподобное".

Он задавал вопросы и сам записывал мои ответы очень аккуратно.

Я отвечал, что человека, сидевшего со мной за одним столиком, видел впервые, раньше никогда не встречались. Знаю ли я его фамилию, имя? Нет. Мы не знакомились. Просто выпили по рюмке.

— А что он вам долго говорил?

— Жаловался, что у него жена красавица, но... ветреная женщина.

— Так и сказал, что ветреная?

— Ну не совсем так.

— А как? Скажите, как он сказал.

— Ну, что она красавица, но шлюха. Зачем же вы это записываете? Человек передо мной душу раскрыл, а вы записываете.

— Это я решаю, что записывать, а что не записывать. Для нас все важно. Еще о чем говорили?

— Все об этом. Что долго не видел ее, завтра летит в Москву.

— А чем он занимается?

— Сказал, что летчик.

— А какой?

— Я не знаю, мы об этом не говорили.

— А что он вам говорил, когда в ресторан зашли офицеры-летчики, что-то показывал пальцем в их сторону.

— Вот тогда и сказал, что тоже летчик и показал в их сторону.

— Так не говорил, какой летчик?

— Нет, не говорил.

— А когда расставались, зачем приглашали его к себе?

— Просто из вежливости, мне его стало жалко...

— Почему жалко?

— Понял, что у него как-то не складывается с женой...

Все мои ответы он записал. А потом я расписался на первом в моей жизни протоколе допроса — на каждой страничке и в конце, что с моих слов записано верно.

К счастью для меня, эта история никакого продолжения не имела.

Дня через три в одной из центральных газет, как водится, на последней странице, я прочитал о провокациях израильской авиации в Сирии и Ливане.

Видно, полковник был не один. Его сменил кто-то другой.